

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ильченко Н.М. «Кёнигсбергский след» в романе Э. Т. А. Гофмана «Эликсир дьявола» // Litera. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.11.76718 EDN: AXUKON URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76718

«Кёнигсбергский след» в романе Э. Т. А. Гофмана «Эликсир дьявола»

Ильченко Наталья Михайловна

ORCID: 0000-0003-2541-5061

доктор филологических наук

профессор, кафедра русской и зарубежной филологии, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина

603002, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1, каб. 406

✉ ilchenko2005@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.11.76718

EDN:

AXUKON

Дата направления статьи в редакцию:

11-11-2025

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена научной значимостью проблемы городского текста как одного из магистральных направлений современной отечественной истории литературы. Изучение регионального литературного процесса – кёнигсбергского / калининградского – способствует выявлению его локальной специфики. В статье системно рассмотрен образ монастыря святой Липы в контексте современного городского ландшафта. Уникальность образа, запоминающегося с первых страниц по яркому словесному описанию, обусловлена культурно-историческим контекстом и местной мифологией. Образ монастыря святой Липы представлен в статье как физическая реальность и литературное пространство, с которым связано развитие одной из ведущих тем романа «Эликсир дьявола» – расплата за вину предков. Отсылки к этому образу даны на протяжении всего повествования; с ним связана возможность искупления вины преступным родом. В процессе анализа используется комплексный литературоведческий подход, сочетающий историко-культурный, биографический, сравнительно-типологический методы. Показано, как с образом монастыря святой Липы

соотносится сюжетно-мотивное наполнение романа «Эликсир дьявола»: мотивы паломничества / пути, искупления греха, таинственных обстоятельств рождения, «небесного утешения» стали особенно значимыми в повествовании. Лейтмотивным является воспоминание Медарда о раннем детстве, проведенном в монастыре святой Липы, сопровождающем его в «ярко-разноцветном мире» и выполняющем спасительную функцию. Внимание уделяется образам родоначальника рода, «старого паломника», «дивного ребенка», таинственная встреча с которыми произошла в монастыре святой Липы и стала судьбоносной. Новизна исследования связана с тем, что уточнена историко-культурная модель Кёнигсберга-Калининграда. На материале жизни Э. Т. А. Гофмана и его романа «Эликсир дьявола» проанализирована проблема *genius loci*. Такой подход позволил уточнить специфику пространства Кёнигсберга / Калининграда, сохраняющего память о гениальном романтике и его художественном мире.

Ключевые слова:

город, монастырь, символ, сюжет, образ, мотив, ландшафт, комментарий, дневник, воспоминание

Введение

Роман «Эликсир дьявола» (*Die elixiere des Teufels*, 1815 - 1816) создан в драматический период жизни писателя: 26 февраля 1814 года Э. Т. А. Гофман был уволен из труппы Йозефа Секонды. Писатель надеялся, что роман, который он начал писать 5 марта, поможет решить финансовые проблемы. Для работы над первой частью Гофману потребовалось чуть больше месяца. В дневнике 17 - 23 апреля 1814 года он записывает: «Завершил первую часть "Эликсиров сатаны"» [\[1, с. 530\]](#). По справедливому утверждению О. К. Логиновой, «жизненные впечатления, зафиксированные Гофманом в дневнике, находят затем отражение в его творчестве. Так, чрезвычайно интересна запись от 9.II.1812 г. о посещении им монастыря капуцинов, что впоследствии дало толчок к созданию «Эликсиров сатаны» [\[2, с. 581\]](#). В этот день Гофман, тогда живший в Бамберге, побывал в монастыре капуцинов и испытал «приятное настроение», которое «под влиянием религиозного окружения превратилось в восторженное» [\[1, с. 472\]](#). Биографы Гофмана, например, Г. Виткоп-Менардо, обратили внимание, что в бамбергский период (1808 – 1812) автор «Эликсира дьявола» вместе с К. Ф. Кунцем, первым издателем Гофмана, бывали с визитами в капуцинском монастыре, знакомились с монахами, слушали их рассказы о прошлом, с интересом наблюдали за особенностями жизни капуцинов [\[3, с. 150\]](#). В «Предисловии (от издателя)» к роману Гофман описывает «великолепный сад капуцинского монастыря в городе Б.» [\[4, с. 231\]](#). В письме К. Ф. Кунцу из Лейпцига, где создавалась первая часть «Эликсира дьявола», Гофман формулирует идею романа как «власти сил небесных и демонических» над человеком; местом рождения главного героя делает свою родину – «монастырь святой Липы в Восточной Пруссии» [\[5, с. 221\]](#).

Благочестивая обстановка монастырей Бамберга и Кёнигсберга, их идиллическое пространство, противопоставляются Э. Т. А. Гофманом обстоятельствам, в которых оказались герои романа «Эликсир дьявола» и в которые попал он сам: в феврале 1812 года любовь к Юлии Марк приобрела драматическую форму, и в дневнике появляется слово «безумие»; в конце февраля 1814 года уже в Лейпциге – «тягостное, неприятное, отвратительное время» из-за ссоры с Секондой. Однако уже 4 марта, когда сложилась

идея романа, он отмечает: «очень хорошее настроение» [\[1, с. 528\]](#).

Во всех комментариях (или примечаниях) к роману поясняется расположение монастыря «святой Липы» – «недалеко от Кёнигсберга» [\[6, с. 279\]](#), [\[7, с. 477\]](#); «неподалеку от Кёнигсберга» [\[5, с. 437\]](#) и др. Пространство родного города и кёнигсбержцы «оживают» во многих произведениях Гофмана – в романе «Житейские воззрения кота Мурра», в рождественской сказке «Щелкунчик и мышиный король», в новеллах «Майорат», «Артурова зала», «Фермата» и др. В «Эликсире дьявола» тоже «зашифрованы» отсылки к городу детства и юности. По словам Г. Виткоп-Менаардо, «почти все существенные элементы и почти все лейтмотивы его творчества имеют своим источником его детские впечатления или, по меньшей мере, состояние души, навеянное этими впечатлениями» [\[3, с. 14\]](#).

Произведения Э. Т. А. Гофмана участвуют в формировании «кёнигсбергского текста» и литературы Восточной Пруссии [\[8\]](#), [\[9\]](#), [\[10\]](#), [\[11\]](#), [\[12\]](#), [\[13\]](#) и др. В. И. Грешных – один из ведущих исследователей творчества Э. Т. А. Гофмана, в частности, связи писателя с Кёнигсбергом, отмечал, что у него, как и у других уроженцев этого края, «глубинная суть повествования рождена интуитивным чувством природы... выйдя на просторы «большой жизни», они «возвращаются в тот чарующий своей простотой мир родной земли, откуда они произросли» [\[14, с. 46\]](#).

Художественное пространство Кёнигсберга в романе «Эликсир дьявола» имеет условно-символический характер. Если в комментариях (и примечаниях) к роману указывается на пространство «вблизи Кёнигсберга» [\[15, с. 421\]](#), то сам автор предпочитает говорить в общем – о «далкой, холодной Пруссии», «далкой, но родной стране» [\[4, с. 25, 33\]](#). Уехав из Кёнигсберга в 1796 году из-за скандальной ситуации, связанной с любовью к замужней женщине, Гофман только дважды на короткое время возвращается в родной город. Однако волнующие описания монастыря святой Липы доказывают его привязанность к родному краю.

«Если хотите уловить дух Гофмана в сегодняшнем ландшафте, лучше отправиться на гору Ролльберг, во дворы за улицы Коперника и Житомирской, где если не старые стены, то сам ландшафт подскажет взгляду...» [\[16, с. 155\]](#). В данной статье рассматривается образ монастыря святой Липы как физическая реальность и литературное пространство, с которым связан комплекс мотивов (воспоминания, паломничество, искупления греха, «небесного утешения» и др.), обеспечивающих, в том числе, развитие одной из ведущих тем «Эликсира дьявола» – расплаты за вину предков.

Основные результаты

В монастырь святой Липы отправляется из Италии предок Медарда, здесь заканчивается жизненный путь его отца и рождается он сам. «Мои первые воспоминания связаны с мирными картинами жизни в монастыре «Святой Липы» и с его великолепной церковью» [\[4, с. 26\]](#). Монастырская церковь называется «чудотворной обителью», окруженной «густым, столетним лесом», которому даются определения «благоухающий лес», «священный лес» [\[4, с. 26, 33, 215\]](#). Удивительная обстановка храма связана с «чудотворной иконой пресвятой девы Марии» на стволе липы [\[4, с. 26\]](#).

В комментарии Н. Литвинец дается следующее пояснение: «Монастырь Святой Липы – монастырь неподалеку от Кёнигсберга, во времена Гофмана был популярным местом

паломничества. Посреди старой, разрушенной церкви XIV века на территории монастыря выросла липа, отсюда название монастыря» [\[17, с. 437\]](#). В примечаниях Н. А. Славягинского и Т. А. Жирмунской к изданию романа в серии «Литературные памятники» уточняется, что церковь, описанная Гофманом, появилась на рубеже XVII – XVIII вв. «на месте старой (конец XIV – начало XV вв.), разрушенной лютеранами в эпоху Реформации. Посреди старой церкви стояла липа, в новой церкви заменена резным липовым стволом со статуей Мадонны; с внешней стороны храма возвышалась каменная липа с железной листвой и статуей Мадонны» [\[6, с. 279\]](#). В комментарии А. Бариновой повторяется данное объяснение [\[7, с. 477\]](#). В комментарии В. Микушевича и А. Ботниковой высказывается предположение, что «Гофман, вероятно, почерпнул сведения об этом монастыре из трагедии Захария Вернера «Крест на Остзее» (1806), к которому он написал музыку» [\[15, с. 421\]](#). Захарий (Цакариас) Вернер (1768 – 1823) – писатель, проповедник, уроженец Кёнигсберга. В 1808 году Э. Т. А. Гофман написал музыку к его «Кресту на Балтийском море». Однако источником «предивной церкви» могли быть их общие личные впечатления: З. Вернер со своей матерью занимали квартиру в доме Дёрферов на Постштрассе, но друзьями с Гофманом они никогда не были. Следы влияния З. Вернера Р. Сафрански справедливо находит в ситуации, когда «Медард, ограждающий себя от плотских страстей, становится страстным проповедником (вероятно, Гофман имел в виду Захария Вернера, применявшего свои эротические таланты при чтении проповедей, которыми в 1814 году в Вене увлекал прежде всего дам» [\[18, с. 271\]](#).

Крепость Кёнигсберг была возведена на северном берегу Прегеля (Преголи) в 1255 году. В 1724 году три городских поселения – Альтштадт, Лёбенихт и Кнайпхоф – объединились в город Кёнигсберг. Жизнь Э. Т. А. Гофмана в Кёнигсберге была связана с пространством, находящимся рядом с Королевским замком и Замковым (Нижним) прудом. Особую «привязанность» Гофман испытывал к Лёбенихту (*Löbenicht* = Липник), простиравшемуся между Шлосстрайх и рекой Преголь (с севера на юг), между Королевским замком и вершиной горы Мюленберг (с запада на восток), что объясняется красотой местности и многочисленными легендами этого живописного пространства. На территории Лёбенихта располагался бенедиктинский монастырь Святой Марии, основанный в 1349 году. В 1400 году здесь была возведена часовня вокруг липы, на которой держалось изваяние Девы Марии. В «Эликсире дьявола», в «Записках старинного художника», говорится о явлении предку Медарда двух женщин, направивших его на север: «Далеко отсюда, в Пруссии, воздвигнут божией матери храм на том месте, где ангелы господни принесли на старую липу чудотворное ее изображение. Храм этот до сих пор не украшен живописью. Иди туда...» [\[4, с. 289\]](#). Монастырь в Лёбенихте, как и другие монастыри Восточной Пруссии, был закрыт в XVI веке после распространения лютеранства. Великий магистр Тевтонского ордена, последний гроссмейстер и первый герцог Пруссии Альбрехт Гогенцоллерн сделал лютеранское вероисповедание официальной религией. Католицизм возвратится наряду с другими конфессиями только в XVII веке. Поэтому в 1531 году монастырь Святой Марии преобразовали в женский приют и Лёбенихтский госпиталь [\[19, с. 124\]](#). Часовня была разрушена, но в 1619 году ее восстановили. В 1764 году бывший монастырь, как и Лёбенихтская ратуша, кирха святой Барбары, католический костел и др. сгорели.

Особенностью кёнигсбергского ландшафта являются руины. «Они были здесь всегда» [\[16, с. 107\]](#), не только после Второй мировой войны. В начале семидесятых годов XVIII века (примерно за шесть лет до рождения Гофмана) госпиталь восстановили. Тогда же

появились ворота 1771 года постройки в стиле рококо. Балдур Кёстер обращает внимание на то, что сейчас они – «единственный сохранившийся элемент из всего того богатства форм рококо, которые имелись в городе в виде фасадов и внутренних помещений» [20, с. 119]. Р. Д. Минакова, «оживляющая» Кёнигсберг в своем путеводителе, сообщает: «Поразительно, но, кроме нескольких корпусов на улице Черепичной, сохранилась хорошо спрятанная во дворе дома № 73-79 часовня госпиталя Лёбенихта» [19, с. 125].

В комментариях к роману говорится о предании об иноземном художнике, расписавшем церковь как не имеющем «исторических оснований», «свободном вымысле» Гофмана [6, с. 279], [7, с. 477] и др. Возможно, предание имеет отношение к Юдиттен-кирхе, тоже посвященной Деве Марии. Она была построена в 1288 году на западной окраине Кёнигсберга. «Самая древняя постройка из сохранившихся в городе. Памятник архитектуры раннегерманской готики XIII – XIV вв.» [21, с. 5]. По преданию, в конце XIV века мастер по имени Петер украсил стены кирхи искусствами фресками с изображениями Пресвятой Богородицы, Иисуса Христа, портретами евангелистов и др. На куполе алтаря в золотом обрамлении выделялась надпись: «Да станет лжецом (неверным) тот, кто причинит мастеру (художнику) зло». В переводе романа В.Л. Ранцовым слова «предание» присутствует: «... я порою все-таки верю, что однажды видел собственными глазами в пустом монастырском храме величавого мужа, оказавшегося великим художником, о котором повествует предание, будто он давным-давно, когда только еще начали строить церковь, появился в ней неведомо откуда» [4, с. 26]. В оригинальном тексте слово «предание» отсутствует: «So ist es mir, als hätte ich selbst einmal in der öden Kirche die wunderbare Gestalt eines ernsten Mannes gesehen, und es sei eben der fremde Maler gewesen, der in uralter Zeit, als eben die Kirche gebaut, erschien, dessen Sprache niemand verstehen konnte und der mit Kunstgebüter Hand in gar kurzer Zeit die Kirche auf das herrlichste ausmalte, dann aber, als er fertig worden, wieder verschwand» [22, с. 12].

Главной ценностью Юдиттен-кирхе была чудотворная икона «Мадонна с младенцем на полумесяце», созданная неизвестным мастером и выполненная из дерева. По художественной выразительности эта скульптура, выше человеческого роста, считалась шедевром пластики. По преданию, скульптура всегда была теплой, ей приписывали чудеса исцеления. Сюда, даже после Реформации (сначала Юдиттен-кирха была католической орденской, потом стала приходской евангелической церковью Девы Марии, сейчас в ней располагается православный Свято-Никольский храм), приходили многочисленные паломники. В «Эликсире дьявола» говорится: «В мою душу глубоко запали матушкины рассказы о чудесах, совершившихся в монастыре» [4, с. 26]. Известно, что перед «Мадонной с младенцем на полумесяце» молилась прусская королева Луиза (1776 – 1810), ровесница Гофмана (1776 – 1822). Окрестности Юдиттен-кирхи были покрыты густыми лесами. Хотя сейчас – это часть Центрального района Калининграда, в ней сохраняются дубовая аллея, а также редкие породы деревьев.

В комментариях к роману говорится, что «чудотворная икона Богоматери, будто бы возложенной на ветви дерева ангелами, известна в ряде вариантов у католиков и православных» [6, с. 279]. Święta Lipka – еще один монастырь, история которого, возможно, была известна Э. Т. А. Гофману. Этот монастырский комплекс расположен сейчас в Варминско-Мазурском воеводстве Польши, между Кентшином и Решелем (примерно в ста километрах от Калининграда). Свента Липка является жемчужиной барокко. В соборе находится образ Свято-Липковской Божией Матери. Известны легенды

о появлении в достаточно глухом месте необычного костела. В одной – говорится о преступнике, приговоренном к смертной казне, которому, усердно молившемуся, явилась Пресвятая Дева и повелела вырезать свое изображение на куске дерева. Так возникла статуя Божьей Матери с ребенком на руках. Помилованный узник оставил фигурку на липе, как и велела Богородица. На этом месте поставили часовню, а липа оказалась внутри нее. По другой легенде, комтуру Тевтонского ордена Генриху фон Плоцке во сне явилась Богоматерь; с этого времени здесь начинается почитание Девы Марии. События легенд относят к XIV веку. В XVI веке протестанты уничтожили часовню, срубили липу, а скульптуру утопили в озере. В XVII веке иезуиты открыли здесь великолепный храм в стиле барокко. Слева от алтаря на одной из колонн был установлен искусственный ствол дерева с Богоматерью и младенцем Иисусом, символизирующий срубленную протестантами липу. В тридцатые годы XVIII века над входом в костел был установлен вырезанный из липы образ Девы Марии, обрамленный липовыми ветвями.

В «Эликсире дьявола» монастырь святой Липы становится своеобразным символом, в котором переплетаются авторские впечатления от реального пространства и его художественной интерпретации. При этом образ монастыря соотносится с жизнью Гофмана: свои переживания, заветные мечты он воплощает в романе.

Одним из ведущих в романе становится мотив воспоминания о детстве, связанный с пространством монастыря: «Тотчас же во мне пробудились в ярких красках дивные картины. Я опять очутился в священном лесу, на той самой поляне, куда паломник в странном костюме принес ко мне, в бытность мою ребенком, очаровательного мальчика» [4, с. 215]. Начиная с первых страниц романа Медард, глубоко прочувствовавший волнующую таинственность монастыря святой Липы, характеризует его как «дивное», «удивительное» (хотя покинул его, когда ему «не было двух лет») пространство [4, с. 26]. «Mich umrauscht noch der dunkle Wald – mich umduften noch die üppig aufgekeimten Gräser, die bunten Blumen, die meine Wiege waren» [22, с. 11]. (Вокруг меня все еще шумит темный лес – все еще благоухают пышно проросшие травы, яркие цветы, которые были моей колыбелью).

Образ монастыря святой Липы, названный «благословенным святилищем святой девы» [4, с. 298], всплывает в памяти Медарда, когда он испытывает сильное душевное волнение от открывшейся ему здесь связи с небом: «Со стен храма и из глубины купола улыбаются мне лики ангелов и святых, облаченных в разноцветные одежды...» [4, с. 26]. Так, впоследствии он сравнивает «отрадное спокойствие» капуцинского монастыря в Б. с «блаженством, которое веяло на меня до сих пор лишь от детских воспоминаний о монастыре «Святой Липы» [4, с. 41]. В другом капуцинском монастыре, расположенному недалеко от Рима, Медард тоже переживает потрясение в церкви – «как в былое время, когда я еще ребенком приходил в восторг от церкви св. Липы» [4, с. 2 70]. Медард соотносит атмосферу, царящую в монастыре святой Липы, с переживаемым религиозным восторгом и принятием важных решений – стать послушником капуцинского монастыря в Б. или, когда, оставив позади свое отступничество, спешит в Рим, как «нищенствующий монах»: «достопримечательности места моего рождения – монастыря «Святой Липы» [4, с. 29] сохраняются в его памяти.

Воспоминания из детства приобретают и конкретную форму, когда он посещает выставку и с удивлением всматривается в «копии с икон, изображенных на стенах монастыря св. Липы» [4, с. 118]. Эти иконы ему запомнились навсегда: будучи ребенком, он вдохновенно

описывает их княгине, «как если бы тогда уже понял их сокровенный смысл» [\[4, с. 29\]](#). Когда же Медард раскрывает «тетрадь художника», «первым, что бросилось мне в глаза, были эскизы икон, написанных альфresco в монастыре св. Липы» [\[4, с. 277\]](#).

С пространством монастыря святой Липы связано явление таинственных персонажей, которые сопровождают Медарда на протяжении всей жизни. «В лесу, окружающем со всех сторон монастырь святой Липы, я подошел к скорбевшей матери, которая плакала над новорожденным мальчиком, оставшемся после смерти отца сиротою, и ободрил ее словами утешения» [\[4, с. 298\]](#). Родоначальник рода – художник Франческо – появляется в самые «ужасные» моменты жизни потомка, чтобы остановить от опрометчивого выбора, оградить от «враждебной силы». Так, в день святого Антонио, ослепленный успехом своих проповедей, Медард видит чужестранца в «странным темно-фиолетовом плаще» и узнает в нем того самого «незнакомого художника», которого «однажды видел в монастыре «Святой Липы» [\[4, с. 50-51\]](#). Если сначала появление художника вызывало страх у Медарда, то потом – в темнице и в сцене гибели Аврелии – «ужас» исчезает. Если сначала художника видел только Медард, то потом его видят все: «Он производил впечатление святого, и все, даже сама игуменья, прониклась к нему благоговейным почтением» [\[4, с. 341\]](#). Незадолго до смерти Медарда из его кельи выходит «незнакомец с белой кудрявой бородой, закутанный в фиолетовый плащ» [\[4, с. 347\]](#).

Медарда на его пути к «небесному утешению» сопровождает еще старый паломник, впервые явившийся ему в монастыре святой Липы. Впоследствии герой соотносит его «со святым Иосифом» [\[4, с. 48, 118\]](#), а также с настоятелем капуцинского монастыря недалеко от Рима и передавшем тетрадь основателя рода: «В это мгновение мне показалось, что этот настоятель – никто иной, как престарелый паломник, явившийся мне в монастыре св. Липы» [\[4, с. 271\]](#). Однажды он приходит к нему с «дивным ребенком» и объясняет матери Франциска-Медарда цель появления – зажечь «искру истинной, святой любви» [\[4, с. 27\]](#). Медард вспоминает эти встречи и вопрос-пожелание «младенца-Иисуса»: «Где ты был так долго, Франциск? У меня много прекрасных ярких цветов, и все они будут твоими, если только ты останешься здесь навсегда и будешь любить меня вечно» [\[4, с. 33\]](#). Обязательным сопровождением этих встреч рядом с монастырем святой Липы становятся картины природы – «нежные лилии», из-за которых появляется «дивный мальчик», «благоухающий лес», «прекрасные яркие цветы» и др. Пространство вокруг монастыря святой Липы ассоциируется с садом-раем.

В романе присутствуют таинственные соответствия, связывающие человека и природу. Для Э. Т. А. Гофмана природа – воплощение мистического чувства, основанного на натурфилософских идеях Ф. Шеллинга, считавшего, что «отдельные существа живут не сами через себя, не сами для себя, но природою и для природы» [\[23, с. 261\]](#). Уже в «Предисловии (От издателя)» Гофман, обращаясь к «благосклонному читателю», поясняет: «Ты проследишь, как зародыш, посеванный злым роком, превращается в пышное растение, дает от себя отпрыски, разрастающиеся все гуще и гуще, пока, наконец, один из распустившихся на нем цветов не превратится в плод, который притянет к себе все живые соки растения и погибнет вместе с растением» [\[4, с. 24\]](#). Соотнесение жизни растения (цветка) с жизнью человека – характерный прием немецких романтиков, в том числе и Гофмана [\[24\]](#).

Складывая в траве фигурки из камешков, у Франциска-Медарда и «дивного мальчика» «всегда в конце концов составлялся крест» [\[4, с. 27\]](#). Крест, как символ мученичества

Иисуса Христа, соединяется и с судьбой Медарда, расплачивающегося за грехи предков [25]. Свое представление о земном счастье он соединяет с мечтой об Аврелии. «Старый паломник» появляется и перед ней в монастырской церкви. В эпизоде сна-видения ее спасают «благодетельные утешения религии, словно небесный бальзам»: «А затем старый паломник взял меня за руку и медленно провел к выходу из церкви» [4, с. 245]. «Святой муж» заботится о Медарде и об Аврелии, спасает их, помогая «в смертельной борьбе с мрачной силой» [4, с. 298].

«Искры небесной любви» пробуждаются в детской душе Франциска-Медарда, выбранного для борьбы с таинственной могущественной силой. Поэтому престарелый паломник говорит матери Франциска-Медарда: «Ваш сын богато одарен природой... Из него может выработаться доблестный подвижник. Пусть посвятит себя служению Богу!» [4, с. 27]. Поэтому так радуется матушка выбору, сделанному сыном: «В день св. Медарда она ясно видела старого паломника, которого некогда встречала в монастыре «Святой Липы»; он вел за руку меня, одетого в облачение Капуцинского ордена» [4, с. 297].

С образом монастыря святой Липы связаны мотивы паломничества и искупления греха. Они относятся не только к основателю рода, но и к отцу Медарда, которому «предписано отправиться в паломничество к святой Липе, где рождение сына послужит для него залогом помилования» [4, с. 297]. К размышлениям о «таинственных обстоятельствах рождения» герой возвращается несколько раз. Он замечает, как его решение «постричься» радует матушку; она «видела в нем осуществление таинственных намеков паломника, стоявших в очевидной связи с неизвестным мне тогда еще видением покойного отца» [4, с. 33]. Святой Бернард предсказал, что рождение сына дарует ему прощение. «В монастыре «Святой Липы» отец заболел... когда я появился на свет, батюшка мирно скончался, получив отпущение грехов» [4, с. 25-26].

«Таинственная сеть связей», которыми пронизана природа, проявляется и в том, что святой Бернард является покровителем картезианского монастыря, с которым будет связана жизнь Медарда.

Мотив пути-паломничества воплощается в романе в трех главных пространственных обозначениях: Восточная Пруссия (Кёнигсберг) – Б. (Бамберг) – Италия (Рим) [26]. Для родоначальника рода, отца Медарда и для него самого монастырь святой Липы – «святилище» [4, с. 298]. «На возвратном пути с паломничества к святой Липе» [4, с. 187, 220] они с матушкой оказываются в Б. у игумены картезианского монастыря, а затем его жизнь будет связана с капуцинским монастырем, который находится в черте города. В дальнейшем путь Медарда лежит в Рим и обратно в капуцинский монастырь Б.

Точное обозначение Кёнигсберга использовано только в рассказе Леонарда Кржчинского, за которого себя выдает Медард: Krakow – Danzig – Frankenbourg – Кёнигсберг – герцогская резиденция; затем – «рассчитывал продолжить путь в Италию» [4, с. 199]. На вопрос о пребывании в Б. он отвечает отрицательно, уточняя, что из Кёнигсберга «ехал другой дорогой» [4, с. 205].

В «Эликсире дьявола» присутствуют традиционные характеристики Италии («небесная обетованная страна» [4, с. 257]), говорится о благодатном климате, возвращающем здоровье, сообщается о «возрении на иноческую жизнь» как «отрадную и светлую» в отличие от католической Германии [4, с. 36-37]. Однако случившееся в Риме заставляет

Медарда вернуться в родную обитель [27]. Мученическая смерть иеромонаха Кирилла, свидетелем которой он стал, приснившийся вещий сон, но в большей степени «глубокая непреодолимая тоска по родине» вернула его назад. Действие романа заканчивается в капуцинском монастыре Б., где Медард возвращается к служению богу и пишет свое жизнеописание.

Заключение

Таким образом, монастырь святой Липы представлен Э. Т. А. Гофманом как пространство, близкое к небу и богу. Отсылки к нему даны на протяжении всего романа «Эликсир дьявола», с ним связана возможность искупления вины преступным герцогским родом. «Небесное утешение» даровано было родоначальнику рода после «долгого и многотрудного паломничества в монастырь св. Липы в Восточной Пруссии» [4, с. 289]. «Луч утешения» «небо послало» Францу тоже после «паломничества к святой Липе» [4, с. 297]. Появление на свет Франциска-Медарда в монастыре святой Липы представлено в качестве награды как «проявление милости божией к ребенку» [4, с. 298]. Монастырская жизнь тех, кто сознательно отрекся от мирской суеты и соблазнов, вызывало уважение Гофмана. При этом истинную религию и беззаветное служение богу он соотнес в романе с родной страной. Монастырь святой Липы Э. Т. А. Гофман сделал своеобразным образом-символом возможного рая на земле, воплотив в ярких словесных описаниях свои лучшие воспоминания о родном городе. Автор романа «Эликсир дьявола», как можно предположить, создал собирательный образ известных ему локаций из своего детства и юности. Гофмановский Кёнигсберг по-прежнему существует: «следы» художественного мира писателя и память о нем хранит современный Калининград.

Библиография

1. Гофман Э. Т. А. Дневники / Перевод О. К. Логиновой // Гофман Э. Т. А. Крейслериана. Житейские воззрения кота Мурра. Дневники / Издание подготовили: И. Ф. Бэлза, А. С. Големба, О. К. Логинова. М.: Издательство "Наука", 1972. С. 431-537.
2. Логинова О. К. Дневники Гофмана // Гофман Э. Т. А. Крейслериана. Житейские воззрения кота Мурра. Дневники / Издание подготовили: И. Ф. Бэлза, А. С. Големба, О. К. Логинова. М.: Издательство "Наука", 1972. С. 564-591.
3. Виткоп-Менардо Г. Э. Т. А. Гофман сам свидетельствующий о себе и о своей жизни / Перевод с нем. О. Мичковского. Челябинск: Издательство "Урал LTD", 1999. 320 с.
4. Гофман Э. Т. А. Эликсир дьявола / Перевод с немецкого В. Л. Ранцова, под ред. З. А. Вершининой // Гофман Э. Т. А. Собрание сочинений: в 7 тт. М.: "Недра", 1929. Т. IV. С. 21-349.
5. Гофман Э. Т. А. Письма Карлу Фридриху Кунцу // Гофман Э. Т. А. Жизнь и творчество. Письма, высказывания, документы / Перевод с нем. Составление К. Гюнцеля. М.: Радуга, 1987. С. 221-222.
6. Славягинский Н. А., Жирмунская Т. А. Примечания // Гофман Э. Т. А. Эликсиры сатаны / Перевод с немецкого Н. А. Славягинского. СПб: "Наука", 1993. С. 276-286.
7. Баринова А. Комментарии // Гофман Э. Т. А. / Перевод с немецкого А. Бариновой // Гофман Э. Т. А. Собрание сочинений: в 8 тт. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2009. Т. III. С. 475-507.
8. Венцлова Т. "Кёнигсбергский текст" русской литературы и о кёнигсбергских стихах Иосифа Бродского // Будущее Калининграда. От конфликтов к сотрудничеству / Под общей редакцией М. Заппера, Ф. Вайксера. М.: Изд. "Весь мир", 2003. С. 11-32.

9. В мире Э. Т. А. Гофмана: сборник статей / Главный редактор Грешных В. И. Калининград; Гофман-центр, 1994. Выпуск I. 222 с.
10. Гильманов В. Х., Мальцев Л. А. Теология начал в литературной судьбе Восточной Пруссии. Монография. Калининград: Изд. БФУ им. И. Канта, 2018. 257 с.
11. Гильманов В. Х. Проблемы региональной литературы: "кёнигсбергский текст" как предмет художественного опыта: учебное пособие. Калининград: Изд. РГУ им. И. Канта, 2010. 92 с. EDN: RASMGV
12. Грешных В. И. Э. Т. А. Гофман: Кёнигсбергская страница жизни // Гофман Э. Т. А. Избранное. Калининград: Калининградское книжное издательство, 1994. С. 5-22.
13. Губин А. Б. Очерки литературной жизни Кёнигсберга // Преголя: Четвертое художественное приложение к Балтийскому альманаху. Калининград, 2009. С. 4-56.
14. Грешных В. И. "Магический мир" литературы Восточной Пруссии // Вестник Калининградского государственного университета, 2000. № 1. С. 41-49.
15. Микушевич В. и Ботникова А. Комментарии // Гофман Э. Т. А. Собрание сочинений: в 6 тт. М.: "Художественная литература", 1994. Т. II. С. 419-426.
16. Калининградский словарь / редактор-составитель М. С. Попов. Калининград: Пикторика, 2021. 176 с.
17. Литвинец Н. Комментарий // Гофман Э. Т. А. Жизнь и творчество. Письма, высказывания, документы / Перевод с нем. Составление К. Гюнцеля. М.: Радуга, 1987. С. 401-455.
18. Сафранстки Р. Гофман / Перевод с немецкого; Вступительная статья В. Д. Балакина. М.: Молодая гвардия, 2005. 381 с.
19. Минакова Р. Д. Калининград. В поисках Кёнигсберга: путеводитель. Калининград: Живем, 2019. 320 с.
20. Кёстер Б. Кенигсберг: Сегодняшний Калининград: Архитектура немецкого времени / Перевод с немецкого Алексея Шубина. Хузум, 2000. 256 с.
21. Минасян Л. Р. Калининград. Полная история города. М.: Издательство АСТ, 2024. 256 с.
22. Hoffmann E. T. A. Die elixiere des Teufels // Hoffmann E. T. A. Sämtliche poetischen Werke. Der vierte Band. Wiesbaden, 1972. S. 5-282.
23. Михневич И. Г. Опыт простого изложения системы Шеллинга // Фридрих Шеллинг: pro et contra / Сост., вступ. Ст. В. Ф. Пустарнакова, примеч. М. А. Ходанович. СПб: РХГИ, 2001. С. 244-276.
24. Ильченко Н. М., Чернышева Е. Г. "Растительный орнамент действительности": цветы в картине мира Э. Т. А. Гофмана и Н. А. Полевого // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 7. С. 256-275. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-7-256-275 EDN: UYMHTR
25. Королева В. В. Символический смысл образов розы и креста в романе Э. Т. А. Гофмана "Эликсиры сатаны" // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, 2017. № 5. С. 197-203. EDN: ZWDMBL
26. Мишина Л. А. Тексты Э. Т. А. Гофмана как художественный путеводитель // Вестник Удмуртского университета, 2019. Т. 29, № 5. С. 848-851.
27. Мишина Л. А. Рим в концепции романа Э. Т. А. Гофмана "Эликсиры сатаны" // Вестник Нижегородского государственного университета, 2011. № 6 (2). С. 438-442.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью "«Кёнигсбергский след» в романе Э. Т. А. Гофмана «Эликсир дьявола»"

Статья посвящена изучению истории создания романа Э.Т.А. Гофмана «Эликсир дьявола» и установлению связей с биографией писателя и пространством, где он когда-то жил и бывал.

Актуальная тема «литературной географии» и определения «гения места» позволяет включить статью в ряд исследований, посвященных изучению локальных текстов – здесь речь идет о «кёнигсбергском тексте». Исследование, выполненное в таком аспекте, несомненно, является актуальным и обладает научной новизной.

Автор статьи оперирует обширным фактографическим и исследовательскими материалом, опираясь на комментарии ведущих исследователей творчества Э.Т.А. Гофмана – В.И. Грешных, Н. Литвинец, Н.М. Ильченко, Л.А. Мишиной и других.

В статье глубоко и убедительно отражена суть «кёнигсбергского текста», особенности ландшафта и истории его формирования, специфика пространства, архитектурных объектов края, рек. Всё это позволяет автору исследования прийти к справедливым выводам об отражении впечатлений Э.Т.А. Гофмана от посещения монастырей, жизни в Кёнигсберге в романе «Эликсир дьявола».

Автор статьи раскрывает особенности художественного текста, показывая, как жизнь героев романа – Медарда, Аврелии, Франческо – связана с пространственно-символическим образом монастыря «Святой Липы», Пруссии, Италией. Подробный, детальный анализ текста художественного произведения позволяет говорить о достоверности выводов автора исследования.

Однако следует отметить, что цитаты из романа «Эликсиры дьявола» приводятся, в основном, на русском языке, за исключением некоторых случаев с использованием оригинального текста и подстрочки. Однако нет пояснений, почему автор исследования прибегает к такой форме цитирования.

Стиль изложения в представленной работе – научный, текст статьи не перегружен излишней терминологией.

В библиографический список включены двадцать семь источников, однако только один из них относится к последним пяти годам, рекомендую дополнить актуальными исследованиями. То же относится к зарубежным исследованиям – они в библиографическом списке отсутствуют, единственным источником на немецком языке стал роман Гофмана.

В рецензируемой статье приведены различные точки зрения по поводу отражения пространства в романе «Эликсир дьявола», комментарии литературоведов, что позволяет показать дискуссионность проблемы, освещённой в работе: где находился монастырь «Святой Липы», какие монастыри послужили основой для создания этого образа, как могли отразиться в романе личные впечатления писателя.

На наш взгляд, статья будет интересна не только специалистам в области творчества Э.Т.А. Гофмана и «кёнигсбергского текста», архитектуре и культуре XVII-XVIII веков, но и широкому кругу читателей, которые хотели бы найти в условно-символическом пространстве романа реальной истории и культурного ландшафта Кёнигсберга.